

превратился в провинциальный город, подобный другим, — привилегированный, но уже переставший господствовать, переставший быть центром мировой империи, утративший свое значение резиденции императоров и их наместников, которые жили теперь в Константинополе, Трире, Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей... Рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое *уже* не могло, второй *еще* не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция»¹.

Вторая часть книги посвящена истории средневековой Италии до конца XV века. И в этой части советский читатель напрасно будет искать ответов на ряд важных для него принципиальных вопросов. У Луццатто он не найдет проблемы перехода от рабовладельческой формации к феодальной. Более того, та картина, которую вслед за Фюстель де Куланжем рисует автор, далека от действительности. Совершенно справедливо отмечая, что германское общество стояло на более ранней ступени развития, чем римское, Луццатто, однако, пытается доказать близость общественного строя германцев и римлян, преувеличивая их взаимовлияние (которое, несомненно, имело место до вторжения варваров). Подобная точка зрения позволяет автору отрицать ту решающую роль, которую германские завоевания сыграли в истории Западной Европы: «Вторжения, — пишет Луццатто, — не привели ни к систематическим разрушениям, ни к полному ограблению и расхищению всего имущества населения покоренных территорий, — если исключить случаи насилия и грабежей,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125, 127.